

INSPIRIA

Чо Йеын

ПЛЮШЕВЫЕ МИШКИ НЕ УМИРАЮТ

INSPIRIA

Чо Йеын

Плюшевые мишки не умирают

Серия «Ток. Сумрачная Азия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71849680

Плюшевые мишки не умирают / Чо Йеын ; [перевод с корейского Н.

Приймак]; Эксмо; Москва; 2025

ISBN 978-5-04-221073-0

Аннотация

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР КОРЕИ.

5 НЕДЕЛЬ В ТОП-100 YES24.

**ОТ ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЫ ГРАН-ПРИ «КЁБО МУНГО»,
КРУПНЕЙШЕЙ КОРЕЙСКОЙ КНИЖНОЙ СЕТИ.**

Мрачно-причудливый и при этом на удивление воодушевляющий supernatural-триллер с кинговскими мотивами.

Мама Хваён погибла, когда девочке было четырнадцать – массовый убийца отравил обитателей жилого комплекса «Виды природы». Добавил яд в тток – пирожки из клейкого риса. Вскрытие показало, что женщина умерла так же, как все остальные жертвы. Но дочь сразу поняла, что это неправда: у мамы была ужасная аллергия на тток, и она ни за что не стала бы его есть...

Прошло три года. Одержимость Хваён разгадкой маминой смерти никуда не делась. Ради выживания девушка-сирота

связалась с криминалом. И это чуть не стоило ей жизни. Она отправилась бы вслед за мамой, если б не... ПОТРЕПАННЫЙ ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ... С ТОПОРОМ. Улыбчивый мишка, некогда мегапопулярная, а ныне забытая игрушка. Он очень хочет понять, почему вдруг оказался живым...

Эти двое заключают странный союз, чтобы раскрыть убийство мамы Хваён. Вот только плюшевый мишка утаил от девушки нечто очень важное и касающееся ее напрямую...

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН С КОРЕЙСКОГО.

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Чо Йеын

Плюшевые мишки

не умирают

##

TEDDY BEARS NEVER DIE

Copyright © 2023 ### (Cho Yeeun).

Originally published by Safehouse Inc.

Russian Translation Copyright © 2025 by EKSMO.

Russian edition is published by arrangement with Safehouse Inc. through BC Agency, Seoull

Cover Art © Jee-ook Choi

Перевод с корейского Н. Приймак

© Приймак Н., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

Восьмого числа около четырех часов утра в одном из элитных жилищных комплексов города Яму был совершен страшный теракт, не имевший определенного мотива. Преступник под личиной добродушного соседа разнес по квартирам тток¹, предварительно подмешав в него яд, и в результате девять человек погибли, двенадцать – получили тяжелые внутренние повреждения. Полиция мобилизовала все силы для поимки убийцы...

Любая история начинается с денег. Звучит как клише. Но что делать без средств в 2025 году, когда количество умирающих от теплового удара вследствие неуплаты счетов за кондиционирование близится к трехзначному числу? Без денег не получится ни дом найти, ни поесть, ни полюбить кого-то, ни даже с друзьями встретиться. Ведь чтобы любить, нужно ходить вместе в кафе или делить ложе. Для встреч с друзьями требуется дизайнерская обувь, чехол для мобильного телефона и кошелек. И это еще не все. Без денег невозможно совершить месть. Конечно, можно в гневе схватить какого-нибудь случайного ни в чем не повинного ребенка и вклеить ему пощечину. Но так поступают не те, кто решил

¹ Тток – блюдо корейской кухни с огромным разнообразием вариаций, что-то вроде пирожков из клейкого риса со всяческими добавками.

осуществить месть, а те, кто ее пережил. Поэтому все, что может сделать семнадцатилетняя Хваён прямо сейчас, – это хвататься обеими руками за новое божество и орудие смерти нашей эпохи – деньги. «Деньги делают невозможное возможным. Они могут положить начало чему-то и стать его же завершением». Давным-давно некто поведал девочке об этом, и она поверила.

Деньги – оружие, что, может, и не войдет в чью-то плоть, но точно ранит. И если тебе не посчастливилось ухватиться за рукоятку этого оружия при рождении, потом ты можешь это сделать, лишь продав душу.

Глава 1

Плюшевый мишка с топором

Хваён смотрела на пачку денег у нее перед глазами. Ёнчжин, главарь банды, как раз пересчитывал месячные взносы, собранные с ребят. От грязной налички шел настолько тошнотворный запах, что болела голова. «Интересно, сколько там? В этой ветхой квартирке площадью 79 квадратных метров живет больше десяти человек, и с каждого взимается минимум по несколько десятков тысяч вон», – пока Хваён проводила нехитрые подсчеты в своей голове, Ёнчжин завершил свои и объявил девушке, стоявшей тихо, словно осужденный в ожидании решения суда:

– Взнос повышен на пятьдесят процентов. Начиная уже со следующего месяца.

– Ты с ума сошел?

– Не нравится – никто не держит. Помимо тебя полно ребят, которые к нам хотят.

Ёнчжин, и глазом не моргнув, сгреб пачку денег в дорожную сумку. Хваён лишь злобно смотрела на него, покусывая губы. Спорить было не о чем.

Жилой комплекс «Радуга» располагался на окраине города Яму, в районе Вольпхёндон. Это маленькое здание было построено чуть более сорока лет назад на деньги бесчис-

ленного количества обманутых местных жителей, трейдеров и инвесторов. Как и полагается, после заселения тут и там стали возникать различной серьезности споры, затем скандал из-за некачественного строительства наложился на самоубийство представителя компании-застройщика, а здание на много лет приобрело статус проклятого. Мало того что правоотношения между участниками конфликта были довольно сильно запутаны, так еще и следом началась борьба за наследство погибшего – в результате ситуация окончательно вышла из-под контроля.

Долгое время ходили разговоры о том, что именно из-за «Радуги» Вольпхёндон был исключен из проекта по перестройке. Между тем соседние районы в рамках всеобъемлющей реновации Яму преобразились в нечто новое, а те, кого радикальные изменения лишили крова, стекались сюда. Из всех зданий только «Радуга» имела мрачный облик и по этой же причине обзавелась репутацией «отстойника».

Естественно, это была среда, непригодная для обитания. Весь комплекс под обманувшим надежды названием был словно татуировками покрыт различными ругательствами и проклятиями, нанесенными красной краской из баллончика. Жители окрестных районов не приближались к «Радуге» ближе чем на сто метров, будто она стала зоной вспышки какой-либо инфекции.

Живущие в этом здании люди не просто не переезжали – они этого сделать не могли. Большинство из них были без-

домными или преступниками, которые без спроса заняли пустые квартиры, а также людьми, обитающими в квартирах без депозита, – за месячную плату более низкую, чем средняя цена на рынке Яму. Ёнчжин же относился к последним. Примечательно, что он мог приобрести себе жилье, но не стал. Он рассудил, что, даже если бы купил квартиру, точные сроки реновации были бы все равно неизвестны, к тому же вокруг этого места было очень много шума, а значит, и вовлекаться в это было незачем. Но Хваён знала: фактическим владельцем квартиры был именно он и только на бумагах значилось другое имя. Вполне вероятно, что бандит позаимствовал имя какого-нибудь бездомного, с которым познакомился, купив тому бутылку сочжу² на станции метро. По словам соседок Хваён, Ёнчжин еще до совершеннолетия начал ввязываться в различные незаконные дела, так что мог и чужую личность украсть пару раз.

Интересно и то, что комнаты, которые главарь арендует ежемесячно, он сам сдает таким же способом. Не кому иному, как тинейджерам без крова. В любую эпоху и в любом городе всегда найдутся ребята, которым некуда податься. Они группками прячутся по влажным и холодным местам, словно крысы в канализации. И Хваён как раз одна из них.

– Пораскинть мозгами. Я всегда брал довольно дешево. Ты же знаешь, даже если я подниму аренду на пятьдесят про-

² Сочжу – корейский алкогольный напиток большого диапазона крепости, дистиллят браги из батата, риса или пшеницы.

центов, все равно не найдется места лучше.

Досадно, но он был прав. За косивон³, где она жила до этого, в месяц приходилось платить в два раза больше, чем здесь. Хваён затянула с арендной платой, и в итоге ее попросили вон, даже не дав забрать вещи.

Цены на жилье в Яму росли с каждым днем все больше. Началось это после того, как Министерство земли, инфраструктуры и транспорта представило план развития города, согласно которому не просто устаревший, а влачивший жалкое существование Яму должен был быть разрушен до основания, а на его месте появился бы ультрасовременный и экологичный университетский город. Выходило множество статей о том, что после создания организации, объединившей интересы общества и частных лиц, внешние инвесторы стали возами вкладывать в город деньги и скупать землю. Людей в Яму действительно становилось все больше, и город быстро изменился. Постепенно вырастали высокоэтажные здания, в какой район ни заглянешь – везде не утихали звуки стройки. Множество людей боролось за земельные права, и своим существованием они не сильно отличались от голубей на обочине. И пока город становился если не экологичным, то уж точно ультрасовременным, только в одном-единственном здании время замерло. А именно в жилом комплексе «Радуга».

³ Косивон – один из видов съемного жилья, маленькая комната, которую обычно арендуют студенты и другие люди с небольшим доходом.

В любом случае ответ Ёнчжина предполагал, что все уже решено. В миг, когда Хваён покинула бы это подобие городской канализации, перед ее глазами развернулась бы счастливая жизнь с возможностью изо дня в день поддерживать стабильность и даже зарабатывать деньги. Пока Ёнчжин беззаботно напевал себе под нос, девушка спросила:

– Почему ты так резко повышаешь аренду?

– Потому что ее повысил домовладелец. Я ему тоже высказал свое недовольство.

– Слушай, даже вранью есть предел. Каждый месяц столько ребят к твоим ногам с деньгами приползает; думаешь, я поверю в эту чушь? Остальные наверняка еще не знают. Им же тоже нужно заранее говорить...

– Естественно, не знают. У них-то все по-старому, это только тебя касается.

– Что?

Прервав речь Хваён, Ёнчжин прищурился, наблюдая за выражением лица девушки. Его глаза вызывали дискомфорт: они вбирали все в себя, словно провал посреди пустыни, куда уходит песок. Уголки его губ поползли вверх, и бандит добавил:

– Если бы ты выполняла свою работу так же беспрекословно, как это делают остальные, я бы так не поступал.

– Это случайно не из-за того, что было на прошлой неделе?

– Ну, может, да, а может, и нет.

Неделю назад Ёнчжин предложил Хваён сходить вместе с ним на «рыбалку». С условием, что он отдаст ей десять процентов выручки. Для главы группировки «рыбалка» была вторым источником дохода. Сначала человека ловят на крючок на анонимном сайте подержанных товаров или в случайных чатах, используя в качестве приманки беспризорных подростков. Роль эта, как правило, достаётся молоденьким девушкам, на вид красивым, безобидным и слабым. Товары – бытовая и цифровая техника, противозаконные наркотические вещества или, бывало, даже сами девушки-приманки – выставляются на продажу под предлогом как можно больше сэкономить личные сбережения. От бесстыжих, ослепленных жадностью покупателей не бывает отбоя. И они с улыбкой до ушей и пачкой денег в объятиях ступают напрямиком в ловушку. В районе красных фонарей неподалеку есть маленькая гостиница, которую Ёнчжин часто использует. По всей видимости, у них с владелицей есть какая-то связь. Поэтому на руках у него имеются дубликаты ключей от всех номеров. Стоит человеку победно войти в здание гостиницы – для него тут же наступает конец игры. Как только цель оказывается в растерянности, Ёнчжин с другими ребятами совершает неожиданное нападение. И хотя это называется «рыбалкой», на деле это обычный грабеж. Факт совершения незаконной сделки пресекает любые жалобы, а от свидетельств всевозможного телесного, психического и вербального насилия тут же избавляются.

Под «остальными» подразумеваются парни крепкого телосложения, отобранные лично Ёнчжином и готовые его слушаться. Многие ребята, с которыми жила Хваён, не просто тянулись к нему – человеку, нажившему свое состояние благодаря подлости и различной криминальной деятельности, – а считали его своей ролевой моделью. Почти всегда на «рыбалку» ходили одни и те же люди. Однако девушек, которые, будучи приманками, продавали свое лицо, приходилось менять уже после нескольких сделок.

– Это потому что я отказалась быть приманкой на «рыбалке»? Детский сад!

– Как детсадовка ведешь себя ты. Показываешь свою гордость где не надо. Кичишься тем, что работаешь в забегаловке, мол, ты одна у нас чистенькая.

– Оказывается, ты в курсе, что твои деньги грязные.

От слов про гордость Хваён захлестнул гнев, и она все же выставила ее напоказ. Осознав сказанное, девушка прикусила язык. В следующий миг атмосфера в комнате заледенела. Ёнчжин тихо пробормотал:

– Эй, Хван Хваён! Думай, что говоришь.

Девушка только уловила быстрое движение руки мужчины, а пепельница уже летела в нее. Хваён резко прикрыла голову руками и пригнулась. Черная пепельница с названием китайского ресторанчика ударилась прямо о кухонный шкаф, и ее лицо накрыл рассеявшийся по воздуху пепел. Она зашлась кашлем.

– Прекращай действовать мне на нервы и выходи со мной на предстоящую «рыбалку». Вопрос в том, есть ли у тебя желание оставаться в этом доме или нет. Будешь слушаться, сделаем вид, что разговора про повышение арендной платы не было.

– Дай время подумать.

– Срок – до следующих выходных. Лучше определиться побыстрее. А так и социальные связи укрепишь, и денег по-быстрому заработаешь; в противном случае не сможешь выдержать повышение оплаты в полтора раза каждый месяц и окажешься на улице.

Леденящую тишину прервал внезапно зазвонивший телефон Ёнчжина. На экране высветился незнакомый одиннадцатизначный номер. Он не был сохранен в контактах, но Ёнчжин, казалось, знал собеседника. Бандит схватил телефон быстро, будто бы ждал звонка. Кивнув подбородком в сторону Хваён, чтобы та проваливала, он вышел на балкон. «Даже дверь закрыл; с кем он там разговаривает?» – подумала девушка. Сегодня Ёнчжин почему-то казался ей более взвинченным, чем обычно. Она живо стряхнула с себя пепел и бросила взгляд в сторону денег на столе.

На самом деле у Хваён не было особой причины для отказа выходить на «рыбалку». Чувство справедливости? Остатки совести? Они ей были неведомы. Просто в тот вечер ей надо было на подработку. Конечно, по сравнению с тем, что она получала там, Ёнчжин предлагал гораздо больше. Но

быстро бросить работу не получилось бы. Ведь Хваён нужны были деньги. И нужно было очень много, но поскольку она была несовершеннолетней, использовала фейковый адрес и не имела полноценного опекуна, на работу ее мало кто брал. Поэтому девушка сильно дорожила своей работой в закусочной на перекрестке, добытой с таким трудом.

Десять автобусных остановок – и вот он, перекресток уче­ности, крупнейшая улица хагвонов⁴ в Яму и своего рода Мекка в сфере образования. Ресторан быстрого питания – местный центр притяжения – представлял собой большое за­ведение, которое всегда было забито вечно спешащими и го­лодными школьниками. Работать было тяжело, и даже взрос­лые часто почти сразу же уходили оттуда. Хваён наняли на время из-за нехватки рук, но менеджер постоянно терзал­ся из-за того, что она была несовершеннолетней. Если бы Хваён не сочинила слезливую историю (мол, мама умерла от болезни, после чего ответственность за содержание легла на злую тетю, сестру отца, которая ее даже не кормила), де­вушке бы даже это место не досталось. Было очевидно: ес­ли узнают, что в этом ни капли правды, тут же безжалостно уволят.

И еще кое-что. План по развитию Яму набирал обороты, и по всему городу были развешаны слоганы «Город Яму – от-

⁴ Хагвон – корейское учебное заведение, предоставляющее услуги дополни­тельного образования в самых различных областях: от школьных предметов продвинутого уровня до спорта и искусства.

личное место для развития детей». Всего лишь неделю назад Национальное агентство полиции заявило о намерении усилить общественный порядок. Ёнчжин помимо «рыбалки» мог зарабатывать и благодаря другим мелким или тяжким преступлениям, так что, даже если Хваён разок поможет ему и что-то вдруг пойдет не так, полное фиаско потерпит именно она. А если девушку поймают полиция и отправит, например, в исправительное учреждение для несовершеннолетних, она больше не сможет заработать денег, и даже хуже – потеряет то, что уже удалось накопить. Абсолютное зло существовало всегда, а единственная цель Хваён – успешно копить средства, пока их не будет достаточно. И до тех пор ей нужно просто тихонько продержаться.

Ёнчжин продолжал разговаривать по телефону, повернувшись спиной. Хваён протянула руку к пачке налички в дорожной сумке, что бандит уже успел подсчитать. Быстрым движением она сунула в карман банкноту в пятьдесят тысяч вон – и тут Ёнчжин обернулся. Хваён показала ему средний палец и выбежала из квартиры 303. Пора было идти на подработку.

* * *

Баланс счета – 4 469 000 вон. Всего лишь одна пятая от необходимой суммы в двадцать миллионов. Прокручивая в голове это число, Хваён села на метро и направилась в со-

вершенно противоположную от «Радуги» сторону – в западную часть Яму. Реконструкция в этом районе продвигалась быстрее всего, и теперь он выглядел как самый настоящий элитный квартал. Гриндон⁵. Район с самыми дорогими в городе квартирами и домами, расположенными на достаточном друг от друга расстоянии.

Время – три часа дня. До начала смены еще два часа. Как и всегда, Хваён переоделась в туалете подземки. В форму с нелепым зеленым галстуком. Она подобрала костюм рядом с баком для вещей на переработку, где некто оставил его в пакете. Два раза в неделю девушка надевала эту форму и превращалась в студентку частной христианской школы-интерната. Учебное заведение находилось не так близко к богатому району и не так далеко от него – просто идеальный вариант. Закончив репетировать приветливое, простодушное и искреннее выражение лица в зеркале, Хваён взяла в руки Библию и переносной ящик для пожертвований – его она стащила, когда прошлой зимой подрабатывала одним днем в Армии спасения⁶, – и легким шагом направилась к «Видам природы».

ЖК «Виды природы».

Лучший жилой комплекс vip-класса в Яму и полная про-

⁵ Название района образовано от сочетания *англ.* green («зеленый, экологичный») и *кор.* дон («район»).

⁶ Армия спасения – международная протестантская благотворительная организация, созданная в Англии в 1865 году. Проводит различные мероприятия по сбору средств, в том числе в Корее, чаще всего под Рождество.

тивоположность «Радуге». Здесь жили представители политических и финансовых кругов, накопившие достаточно денег и оставившие карьеру артисты, крупные чиновники и коренные жители Яму, которые раньше всех получили сведения о программе развития и накупили земли. Комплекс из двадцати корпусов, где каждые апартаменты занимали целый этаж с холлом и личным лифтом. Говорили, что очень большое внимание было уделено шумоизоляции между этажами: можно хоть всю ночь гулять на вечеринке, и ни один звук не просочится наружу.

Охрана, разумеется, была очень строгой. Повсюду, словно чансыны⁷, стояли охранники в костюмах-тройках и внимательно наблюдали за каждым вошедшим. Без пропуска внутрь здания войти было невозможно, а гости могли пользоваться только специальным гостевым проходом и лифтом. Когда кто-то заказывал доставку еды, ключ от мотоцикла или машины курьеры должны были оставить на посту охраны, затем они обязывались показать содержимое заказа, и только после этого им выдавали ключ от лифта. Об этом Хваён рассказывала соседка Чуа – она подрабатывала в доставке.

Девушка также слышала, что в первый заезд жильцов такого еще не было. По крайней мере, отдельный проход для гостей точно оборудовали позже. На этапе раздачи квартир визитной карточкой «Видов природы» были уютные и эколо-

⁷ Чансын – корейский тотемный столб, изображающий духов – хранителей людских поселений.

гичные апартаменты премиум-класса, с верхних этажей которых открывалась панорама на Желтое море и своего рода позвоночник Яму – гору Мувансан. И смена стратегии в сторону строгой закрытости была проведена не без причины.

Так вот, произошло это три года назад. Один псих разнес по комплексу, в котором в самом разгаре был заезд новых жителей, отравленный тток. В этом инциденте девять человек погибли, двенадцать – получили травмы. Вскоре преступник опубликовал видео с признанием и покончил с собой, и только тогда его нашли. Это дело запомнилось как самое жестокое убийство за всю историю Яму.

Хваён с трудом подавила далекие воспоминания, что так и норовили вырваться наружу. Сейчас не время думать об этом. Деньги – ей нужно было заработать деньги. Они могли коренным образом изменить жизнь Хваён, они же могли положить конец чему угодно. Только от ее навыков зависит, сколько она сможет заработать сейчас, за два часа до смены в ресторане. Девушка с уверенностью подошла к охранной будке у ворот и протянула гостевой пропуск. Охранник хорошо знал ее в лицо и открыл дверь без каких-либо дополнительных проверок. Он подал сигнал в пятьсот восьмую квартиру, чья владелица выдала карточку гостя, и пробормотал: – Ты такая набожная. О чем ты усердно просишь Бога?

В ответ школьница произнесла «Аминь», показав «нежную и непринужденную улыбку № 1», которую репетировала перед зеркалом в метро. Охранник произнес:

– О чем молиться тем, у кого все есть!

«А это, знаете ли, мне и самой интересно. Но на свете слишком много семей, у которых наряду с деньгами имеются темные истории», – парировала про себя Хваён и все с той же нежной улыбкой пересекла внутренний дворик, после чего остановилась напротив входа в здание, где располагалась квартира 508. Она ходила сюда два раза в неделю. Читала молитвы с главой протестантской общины «Видов природы» и развлекала женщину беседами. Заработок нефиксированный, но добрые тетушки с кучей времени и денег были обычно щедры. *«Пожертвования идут на помощь нуждающимся через христианский кружок “Восхваление Господа” старшей школы Ёнгван»* – волшебная фраза, написанная на втягивающей в себя наличку маленькой коробочке для пожертвований. Зарплата обеспечивала девушке расходы на жизнь, но копить деньги ей позволяла именно благотворительность. Хваён просто решила разок попробовать, вдохновившись рождественскими благотворительными сборами Армии спасения и документалкой о христианском школьном кружке, но даже представить не могла, что все пойдет настолько хорошо.

С другой стороны, это было предсказуемо. Весь Яму в красных крестах, и этот район не сильно выбивался. В каждом здании жило огромное количество прихожан, поэтому пасторы ожидаемо были очень заняты. Очень-очень заняты. А даже если и не заняты, то верующих было так много, что

разъезжать с целью привлечения новых было просто незачем. Хваён хорошо обосновалась в этой нише. Более того, ее по-особенному чистое, невинное лицо и хрупкое телосложение, от которого не исходило никакой физической опасности, отлично справлялись с усыплением внимания охраны.

Женщина из пятьсот восьмой, которая оформила Хваён гостевой пропуск, потеряла младшего брата из-за событий трехлетней давности. Говорят, до этого она была прилежной христианкой, но с тех пор перестала ходить в церковь и теперь все время сидит дома. Эта самая женщина посчитала вполне логичным, что в годовщину смерти брата она увидела, как Хваён, ужасно напоминающая ее маленькую племянницу, спорит с охранником у дома. И с готовностью протянула руку помощи; Хваён же возвращала долг своей искренней верой и утешением. С тех пор прошел уже год. В последнее время они больше беседовали друг с другом, нежели молились. Женщина делилась с ней разнообразными мелочами жизни. Например, интересовалась, приходятся ли девушке по вкусу новые духи, насколько сильно пахнут прибывшие из Англии чайные листья, что она ела на обед или какой фильм посмотрела в выходные. Хозяйка пятьсот восьмой квартиры даже познакомила ее с другими пожилыми людьми из жилого комплекса. Девушка нажала на звонок, и вскоре входная дверь отворилась.

– Заходи, пожалуйста.

С Библией в обнимку Хваён радостно поприветствовала

женщину, как и всегда. Лицо напротив показалось темнее обычного. На столе в гостиной, словно ожидая ее прихода, стояла чашка свежесваренного «эрл грея» с персиком. Хваён не особо разбиралась в чае, но этот был ее самым любимым. Когда она подумала о том, насколько красив солнечный свет, проникающий сквозь панорамное окно, женщина спокойным голосом сказала:

– Больше можешь не приходить.

Хваён чуть не выронила чашку.

– Что-то случилось?

– На прошлой неделе, после того как ты ушла, мне обо всем рассказал соседский мальчик твоего возраста. В той христианской школе-интернате и форму, и название клуба уже давно сменили. Но, что важнее, подобный сбор средств в частном порядке больше не проводят.

В голове стало пусто – ни одна мысль не приходила на ум. Хваён казалось, будто она разучилась говорить.

– Сначала я ему не поверила. Мы же не раз и не два встречались. Уже больше года видимся. Мы о стольком с тобой говорили, я ведь и подумать не могла, что такое возможно. А потом одни мои дальние родственники рассказали, что их ребенок поступил в эту школу. И я решила уточнить. Спросила, есть ли среди первоодок⁸ клуба ученица по имени

⁸ Имеется в виду первый год старшей школы, куда поступают в 15–17 лет. В Республике Корея школьное образование включает в себя шесть лет начальной, три года средней и три года старшей школы.

Хван Хваён.

– ...

– Знаешь, как я себя чувствовала в ожидании ответа?

– Простите.

И все. Это лучшее, что девушка смогла выдать, с усилием открыв рот. Руки женщины, сжимающие чашку, были смертельно бледны. Даже если бы она прямо сейчас вылила этот чай на неё, Хваён все равно не выдавила бы ни слова.

– Я все понимаю. Тебе нужны деньги. В этом мире деньги много на что нужны. Мне не жаль того, что я отдала тебе. Но я не могу смириться с тем... с тем, что все твои выражения лица, показанные мне, все проведенные между нами беседы – все это вранье. Что вообще в тебе настоящего? Есть хоть какая-то доля правды в том, что я видела или слышала? Говоришь, что ты тоже кого-то потеряла в том инциденте? Что понимаешь мое горе? Не важно, насколько ты молода и отчаянна... Люди так не поступают.

Казалось, сердце вот-вот взорвется. Не то чтобы Хваён не предполагала, что такой день однажды настанет, но уж точно не думала, что будет чувствовать себя так. Словно заставляет страдать дорогого человека, словно ранила его. «Может быть, мне нужно было соскочить до того, как мои эмоции дойдут до этой точки? Но как определить, когда пора?» – размышляла она.

– Давай на этом закончим. Надеюсь, впредь мы видеться не будем.

– Простите, пожалуйста...

Ей хотелось без малейшего промедления покинуть это душающее пространство. Еще неделю назад оно было комфортным местом для отдыха и работы – теперь же превратилось в ад. Хваён сорвалась с места, но остановилась перед тем, как выйти за дверь. Глядя в спину женщине с безнадежным выражением лица, она тихо произнесла:

– Ложью было не все. Поверьте мне, пожалуйста.

Девушка вышла из жилого комплекса и побежала к метро. Ящик для пожертвований выкинула в мусорку под ожидающим сноса электрическим столбом. Она плохо поступила, и ей хотелось плакать. Но даже если Хваён заплачет, утешить ее будет некому, и сама себя она тоже утешить не сможет, поэтому слезы пришлось проглотить. Вот-вот должна начаться смена. Хваён снова переделалась в туалете на станции метро, после чего в ожидании автобуса обдумывала последние слова, сказанные той женщиной: «Люди так не поступают». «Люди так не поступают. Но ведь в дальнейшем я совершу что-то еще более ужасное. Есть ли во мне хоть какая-то доля правды? Без понятия. Допустим, правда – это содержимое под оболочкой, но что вообще могло остаться у меня после смерти мамы?»

Тем не менее их разговоры и пролитые вместе слезы были настоящими, кто бы что ни говорил. Хваён хотелось поведать женщине хотя бы об этом, но, согласно финалу притчи про мальчика, который кричал «Волки!», среди множества

лжи маленькая правда выделиться не может. В автобусе до забегаловки она, словно песню, прокручивала в голове сумму в двадцать миллионов вон. Двадцать миллионов. Ей нужны эти двадцать миллионов. За двадцать миллионов и душу продать можно. Двадцать миллионов. Двадцать миллионов – не такая уж большая сумма⁹. Среди стеклянных высотных зданий, вновь вырастающих в Яму, на двадцать миллионов и не проживешь даже. Но на них можно похитить одного человека. Не важно, каким способом. Хваён закрыла глаза, и в голове раздался чей-то голос. Тот, который до сих пор заставлял ее двигаться дальше.

– Знаешь, почему я этим занимаюсь? Потому что цена человеческой жизни одинакова как под дулом пистолета, так и на лезвии ножа.

«Поэтому я заплачу за нож и пистолет, за правду и месть», – подумала Хваён.

* * *

В мире существует разная ложь. Добрая и злая. Большая и маленькая. Есть ложь, сравнимая с катастрофой, а есть ложь, что на деле не имеет особого значения. Например, когда на вопрос о том, что делал вчера, кто-то вместо «лежа играл в компьютерные игры» говорит: «учился». Или ответы на во-

⁹ По российскому курсу на начало декабря 2024 г. в рублях это чуть меньше полутора миллионов.

просы о том, когда у тебя день рождения – восемнадцатого или двадцать четвертого апреля, – или сколько тебе лет – пятнадцать или семнадцать. Но любая ложь рано или поздно приводит к катастрофе. Большая – разрушает всё под собственным весом, а маленькая, будничная ложь, – лишь стоит кому-нибудь ее раскрыть, – может быть тут же использована против тебя. Хваён, живя в таком быстро меняющемся городе, как Яму, вооружила себя враньем, и сегодняшний день умудрилась украсить обоими видами лжи.

Девушка успела нажарить уже триста порций куриных наггетсов и около четырехсот порций картофеля фри. И тут менеджер вызвал ее к себе. У человека есть такое свойство, как интуиция. Стоя перед плотно закрытой дверью комнаты для персонала, Хваён испытала дежавю. Лишь дверь приоткрывается – тут же в жизни появится брешь. Что-то точно начнется... Но не открыть ее было нельзя. У Хваён не было сил уклониться. Она сделала глубокий вдох и осторожно толкнула дверь. Менеджер сидел со сложенными на груди руками и всем своим видом источал серьезность. Перед ним лежал документ. Резюме, которое Хваён отправила при устройстве на работу.

– Почему ты соврала?

Очевидно, что сегодня неприличное божество правды решило выбрать ее в качестве своей жертвы. Иначе такие ситуации не произошли бы одна за другой. В резюме наряду с фотографией со школьного удостоверения бесконечно длин-

ным списком был представлен разнообразный опыт работы на раздаче еды и перечень однодневных подработок. Менеджер указал на графу с датой рождения:

– При подаче заявления ты же сообщила, что тебе семнадцать.

У Хваён выступил холодный пот. У нее не было выбора. Тогда ей было на два года меньше – пятнадцать. Она и сейчас была несовершеннолетней, но пятнадцатилетних ребят, которые еще учились в средней школе, почти не брали на работу. Даже если и нанимали, то с легкостью увольняли, как только появлялся другой кандидат или же вокруг них начинали виться движимые злым умыслом взрослые. К тому же Хваён думала, что менеджер все знает. Думала, что он в курсе, но закрывает на это глаза.

– Подобное тянет на подлог, а это очевидное преступление.

Он имеет в виду справку о семейных отношениях, письменное согласие родителя и медицинскую справку, которые девушка принесла в первый день работы. В справке о семейных отношениях ей пришлось соврать о возрасте, а родительское согласие подписать было некому. То же касалось и медицинской справки. «У, Ёнчжин, ну ты и сволочь. На подлоге точно не поймают – твои слова. Я вообще-то столько денег тебе отвалила», – возмущалась про себя Хваён.

Сегодня весь день был такой. В груди, словно лава после извержения вулкана, разливалось что-то горячее неизвест-

ного происхождения, и ни единого слова не могло сорваться с ее губ. Хваён не успела даже оправдаться: менеджер холодным тоном оповестил ее о том, что они уже нашли нового человека и больше приходить не нужно. Казалось, будто невидимая рука упорно тащила девушку к Ёнчжину.

Хваён вышла из комнаты персонала и снова встала за фритюрницу. Как назло, сейчас период экзаменов, и ресторан был по уши в работе. Эмоциональные школьники и их родители заходили сюда за готовой едой и уходили, словно прилив. Оставалось совсем немного до полуночи, когда Хваён завершила свою последнюю и бесполезную смену наедине с фритюрницей. За окном все так же ярко сверкали огни хагвонов. Менеджера, видимо, настигло запоздалое чувство вины, и он заверил, что не мог иначе, ведь после появления слогана *«Город Яму – отличное место для развития детей»* главный офис начал проводить проверки.

Хваён знала, что извиняться должен был не менеджер. Это она напортила. В течение года обманывала старую женщину и предала ее, соврала в резюме и подделала медицинскую справку – все это ее вина. Девушка вернула фартук с шапочкой и покинула заведение. Желудок очень не вовремя забурлил. За целый день она съела только бургер и картофель фри, который спалила из-за неправильно выбранной температуры.

– Есть хочется.

Желудок, не заботясь о чувствах Хваён, продолжал ур-

чать, и она почувствовала досаду. По улице энергично сновали ребята в школьной форме. Ее взгляд остановился на одной маме с дочкой. Ребенок с раздраженным лицом был одет в форму школы, в которую когда-то ходила сама Хваён. Женщина приятной наружности – по всей видимости, мама – открыла коробочку с обедом, зачерпнула одну ложку и протянула дочке, но та оттолкнула ее руку и бегом направилась к зданию хагвона. Расписание дополнительных занятий было очень плотным, поэтому на этой улице изо дня в день можно было увидеть родителей, которые приносили с собой еду.

– Мне тоже хочется маминой еды...

Когда-то и у Хваён так было. Каждый вечер в небольшом, но вполне пригодном для семьи из трех человек доме они ели мамины блюда. Папа отвечал за мытье посуды, мама же после еды спешила к дивану в гостиной. Она была постоянной зрительницей сериалов, выходявших по вечерам. И Хваён, предварительно набив рот очищенными папой фруктами, похлопывая по своему вздувшемуся животу, садилась рядом с ней. Дома в воздухе витал кисловатый запах кимчхи ччигэ¹⁰, а звуки телевизора и посуды, которую мыл папа, гармонично сплетались в один. Эти воспоминания настолько давние, что теперь кажутся чем-то из прошлой жизни.

С тех пор как она перестала ходить в школу, тоже прошло

¹⁰ Кимчхи ччигэ – корейское рагу с добавлением квашеных по традиционной национальной технологии острых овощей.

довольно много времени. Куда же делась школьная форма? Теперь уж и не вспомнить. С трудом набрав необходимый лимит посещаемости, она выпустилась из средней школы – и на этом все. Когда Хваён отдалялась, именно мама всегда приводила ее назад, но теперь мамы нет. И она не чувствовала нужды возвращаться. Девушка стояла на углу перекрестка, заполненного всевозможными рекламами хагвонов и неоновыми вывесками, и растерянно оглядывалась вокруг. Ее поле зрения пестрило множеством лиц родителей с детьми. Но никто из них не был похож на нее саму. Хваён достала телефон и отправила сообщение Ёнчжину.

Я согласна. Оставь аренду прежней.

И вот стоило ломаться?

Ёнчжин ответил так, будто ждал, что она напишет. Хваён пешком направилась в сторону «Радуги». Сегодня ей хотелось идти как можно дальше. До тех пор, пока она не износится, как старые потрепанные кроссовки, пока не сотрет себя в маленькую точку, чтобы никто не смог ее найти.

Девушка шла уже где-то около часа. Голодный желудок, видимо, наконец осознал, что, как бы он ни молил, ему ничего не дадут. Даже у голода бывает критический момент. Если пережить промежуток, когда в рот хочется закинуть что угодно, в итоге наступает до странности легкое состоя-

ние. Живот будто объявляет забастовку, аппетит уходит, и теперь, наоборот, больше ничего не хочется съесть.

Вдалеке показалось здание «Радуги»: с каждым шагом оно становилось все ближе. Хваён как раз проходила мимо утонувшего в темноте жилого дома. Вдруг на углу переул-ка она ощутила чье-то присутствие. Девушка повернула голову и осмотрелась. В бежевом свете уличного фонаря скопилась огромная куча еще не переработанного мусора, вокруг которой слонялись голодные бездомные кошки. Между мусором и стеной она вдруг заметила нечто вроде бы сферическое. Под фонарным столбом сверкали круглые черные глаза. Они сильно выделялись на фоне свалывшейся грязной шерсти. Хваён подошла на шаг ближе. Кошки, окружившие плюшевого медведя, взглянули на нее и отступили. Теперь в переулке остались двое: она и комок шерсти.

– Улыбчивый мишка.

Девушка пробормотала утерянное имя плюшевого медведя. Долго вглядывалась в усеянные царапинами пластиковые зрачки. Затем протянула руку, уложила его в свои объятия и вслух поздоровалась:

– Привет, давно не виделись.

* * *

Улыбчивый мишка снискал невероятную популярность, когда Хваён была тринадцатилетней школьницей. Изначаль-

но он задумывался как временный персонаж для рекламного ролика компании по производству кухонных принадлежностей, но ошеломленный вид милого медведя с посудой в лапах породил множество мемов и стал хитом. Компания поняла, что персонаж может принести выгоду, и тут же стала продавать связанный с ним мерч и мягкую игрушку. Он был настолько популярен, что приносил доход, гораздо более значимый в сравнении с прибылью от основных товаров компании. Вскоре запустили мультфильм, начали публиковать вебтун¹¹ под названием «*Повседневная жизнь мишки*», один за одним стали появляться и его друзья. Не было ни одного человека, который бы не любил светлые, невинные глаза и приятную улыбку этого плюшевого медведя. Он нравился всем. Производство не поспевало за растущим спросом – то были его золотые дни.

Разумеется, Хваён тоже его любила. Мишка был милым и очаровательным и к тому же позволял зарабатывать на карманные расходы. После того как ее папа сбежал, предварительно лишившись своего состояния из-за мошенничества с недвижимостью и взяв большой заем, Хваён и ее мама стали жить в косивоне 202 комплекса «Грин Виллидж». Стоило только открыть дверь, как взгляд тут же встречался с медведями, укрывшими собой весь пол. Точнее сказать, с их пустыми мордочками – у них поначалу не было зрачков. В

¹¹ Вебтуны – южнокорейские комиксы цифрового формата, публикуемые в сети отдельными выпусками на вертикальной ленте без разбиения на страницы.

средней школе Хваён целыми днями пришивала им глаза, за что и получала деньги. После сотого стежка мышцы становились деревянными, а зрение – нечетким, она чувствовала, будто ее собственные глаза вот-вот выскочат, и тем не менее это занятие приносило ей искреннее удовольствие. Ей казалось, что, пришивая пластиковые глаза разноцветным плюшевым медведям, она вдыхала в них настоящую жизнь. Именно глаза Улыбчивого мишки излучали ту теплоту и невинность, которые делали всех вокруг счастливыми.

Хваён не расставалась с ним ни дома, ни даже в школе. Тогда она не понимала, зачем нужно ходить на учебу. Мама говорила, что это обязательно, и девочка посещала занятия, но учителя, проработавшие в школе более тридцати лет, выглядели так, будто им даже дышать скучно, а одноклассники были безразличны к ребенку, не похожему на них. По удачному, хоть и бесполезному, стечению обстоятельств Хваён получила место в престижной средней школе, которую считали лучшей в Яму, но провела школьные годы в одиночестве. У нее не было ни модных брендовых худи, ни смартфона последней модели, с которого можно было звонить когда угодно, ни большой гостиной, где можно было бы праздновать день рождения с друзьями. Открыто над девочкой не издевались, но она никак не могла приспособиться. Хваён тратила свободное время в школе впустую, пока однажды не начала таскать с собой плюшевых медведей разных размеров. На перемене, во время обеда, самостоятельного обучения и в дру-

гие промежутки времени, когда было нечем заняться, она доставала из рюкзака игрушку и пришивала ей глаза. Несколько ребят, которым нравилось провоцировать других, стали называть ее «глазастым призраком». Самой Хваён это прозвище пришлось по душе.

Еще у нее был друг, с которым они вместе занимались этим делом. Хотя продолжалось это недолго.

Вспоминая о прошлом, Хваён поняла, что провела больше времени с медведями, чем с людьми. Ее мама была домработницей высшего класса и была всегда занята на работе. Женщина была аккуратна от природы и считалась мастерицей на все руки, поэтому многие компании хотели с ней сотрудничать.

Из-за специфики маминой профессии они могли проводить время вместе только по выходным. По пятницам ближе к ночи мама возвращалась домой после работы в чужом доме, прихватив оттуда кучу дорогой еды и фруктов. Вдвоем ютясь на узкой односпальной кровати, они смотрели сериалы по телевизору размером с лист формата А4, расспрашивали друг друга о произошедшем за неделю, пока вдыхали новую жизнь в плюшевых медведей. Хваён любила такие моменты. «Когда эти воспоминания поблекнут или даже исчезнут совсем, я, скорее всего, умру». Она до сих пор так считала и потому продолжала изо дня в день реанимировать угасающие частички памяти. Все проводимое за этим занятием время, что было то скоротечным, то бесконечно дол-

гим, могли бы заменить собой глаза Улыбчивого мишки.

Однако, как говорилось в одной сцене из любимого мамой гонконгского фильма, «у всякой любви есть срок годности»¹². Срок Улыбчивого мишки истек ровно через год: выпущенные «Мишкины друзья» провалились в продаже, и прибыль пошла на спад. Медведь с неизменно улыбчивой мордочкой превратился из милого и счастливого в безвкусного и отстойного, а спустя некоторое время произошел тот самый случай.

С начала заселения в жилой комплекс «Вид природы» прошло около двух лет. В осеннюю пору многие занимались переездом. Машины с вещами прибывали по несколько раз в день, новые соседи, которых еще никто не видел, приходили за согласием на проведение работ по отделке и перепланировке, а потому никто не заподозрил ничего плохого в тарелке с ттоком возле своей двери.

В круглой миске лежал медовый тток из коричневого риса и злаков. От гладкой блестящей поверхности исходил аппетитный аромат кунжутного масла. Кто бы мог подумать, что внутри среди сладкого меда и семян кунжута окажется яд? Кто-то съел угощение, кто-то – нет. В начинке разноцветного, будто радуга, ттока смешались яд рыбы фугу тетродотоксин, цианистый калий, мышьяк и другие ядовитые вещества, которые можно было увидеть в криминальных фильмах. Всего умерло девять человек, двенадцать – сильно пострадали.

¹² Имеется в виду фильм «Чунгкингский экспресс» (1994 г., реж. Вонг Карвай).

Среди погибших оказалась и мама Хваён.

Вернувшись домой после затянувших все вокруг в хаос похорон, девочка увидела, что один медведь до сих пор лежал в комнате. Единственная игрушка, оставшаяся после отправки партии. Невинные пластиковые глаза будто бы говорили: «Остались мы вдвоем – ты да я». Все это время она ничего не чувствовала, а тут вдруг слезы полились рекой. Хваён привалилась к стене и плакала, пока силы не покинули ее. Девочка в истерике билась головой о стену и сотрясалась в рыданиях, а в комнате стояла мертвая тишина. Это молчание – одиночество, в котором Хваён теперь предстояло жить. Она провалилась в сон, а как только открыла глаза, взяла медведя, что продолжал улыбаться своей обычной едва заметной улыбкой, вышла на улицу и засунула его в ржавый контейнер для поношенной одежды. Произошло это три года назад.

Поэтому можно сказать, что Улыбчивый мишка был с рядом с Хваён как в мгновения счастья, так и в моменты отчаяния. Совсем как сейчас.

Девушка подумала, что они с игрушкой переживают одинаковые взлеты и падения. Хваён всмотрелась в невинные зрачки напротив. Правда так было или нет – она не знала, но почувствовала, будто эти пластиковые глаза смотрели на нее в ответ. Возможно, когда-то в прошлом она вернула жизнь и этому плюшевому медведю. Хваён взяла его – старого, потертого и источающего отвратительный запах – в руки и по-

бежала. В таком же старом и потертом, как медведь, худи, она пересекла ночную улицу с игрушкой на руках.

До «Радуги» Хваён добралась ближе к двум часам ночи. Вместо того чтобы сесть в скрипучий лифт, она решила тихонько подняться по лестнице. Вот показался второй этаж. И тут она услышала, как между этажом, где находилась квартира 303, и четвертым кто-то разговаривал. Судя по голосу – Ёнчжин.

– Я проверил сумму. Вам следует действовать так, как я объяснял ранее на складе у рыбного места. Все улажено. Тогда увидимся позже. Да.

Затем, приглушенное плевками, раздалось постукивание по перилам. Оно было мягким. Хваён знала, что это за звук. В дни, когда Ёнчжин завершал подсчеты месячной аренды, он часто стучал по столу или стене толстой пачкой денег. Мужчина начал спускаться с лестницы, напевая себе под нос. Хваён притаилась в темноте второго этажа. Интуиция подсказывала, что сейчас пересекаться с ним нельзя. А на втором этаже как раз не так давно сломались сенсоры светильников – вот уж действительно повезло. Постукивание пачкой денег по лестничным перилам медленно приближалось. Сквозь щель между лестницей Хваён ухватила взглядом руку Ёнчжина и то, что было в ней зажато. Пачка денег была не зеленого, а желтого цвета¹³. По пятьдесят тысяч вон. Ей

¹³ Желтая купюра номиналом в 50 тыс. вон является самой крупной, за ней следуют зеленая – номиналом в 10 тыс. вон, красная – 5 тыс. вон и голубая –

было интересно, что и где он сделал, чтобы ему дали столько денег, но спрашивать она об этом пока не будет. Ничего хорошего из такого любопытства не выйдет.

Ёнчжин пересек коридор и вошел внутрь триста третьей квартиры. Хваён специально выждала подольше и зашла домой через полчаса. В гостиной главарь и его приспешники пьянствовали. Раскрасневшийся Ёнчжин посмотрел на девушку и с полной презрения улыбкой издевательски произнес:

– Жду не дождусь увидеть, насколько крупную рыбку сможет подцепить наша новая приманка.

На балконе с грохотом работала древняя стиральная машинка, повсюду висело небрежно развешанное ребятами белье, которое полностью высохло, но источало запах гнилого тряпья. Один из подручных Ёнчжина, что были в приподнятом настроении, бросил в Хваён креветочные чипсы. Она почувствовала резкий прилив гнева, но усилием воли подавила его. Не стоит рисковать. С трудом добытые четыре миллиона вон и старый плюшевый медведь – это все, что у нее осталось.

Девушка молча направилась на балкон к стиральной машине. Повернув водопроводный кран, что располагался рядом, Хваён налила воды в кочующий из рук в руки тазик. Добавила моющего средства, вспенила воду, а затем начала заботливо стирать плюшевого медведя. Каждый раз, когда она

с силой сжимала отяжелевшее от влаги тело, все вокруг заливала грязная вода. Чем больше краснели руки Хваён, тем больше грязи выплевывал мишка и тем чище при этом становился.

Стирка заняла около часа. Хваён выжала остатки воды, взяла игрушку и отнесла к себе в комнату. В большой комнате, примыкающей к ванной, жили четыре девушки. Соседка по имени Чуа вернулась рано и теперь усердно лазила в телефоне, накрывшись одеялом. Она крикнула Хваён, которая у окна за прищепки подвешивала мягкую игрушку:

– О! А я его знаю. Это тот допотопный персонаж, который когда-то был в ходу. И все же: серьезно? Ты на «рыбалку» собралась? Всегда же говорила, что ни за что не пойдешь.

– Ёнчжин, ублюдок, угрожал мне, что поднимет аренду, так что выбора не было.

– Будь осторожна. Я тоже ходила и пару раз чуть не напоролась. Твою мать, сколько я ему сигналов отправила, а он ни хрена не торопился. Я думаю, он специально медлит. Не доверяй этому придурку.

– Спасибо за сеанс психологической помощи. Жаль только, он не особо мне поможет.

Хваён оставила медведя сушиться у окна и легла на свою часть матраса, размышляя о том, стоит ли брать с собой средства самозащиты: «Так, посмотрим. У меня есть только кухонный нож с тупым лезвием. Как же быть? Может, стоит купить электрошокер? Но на такое даже деньги жалко тра-

Тить».

– Средство от насекомых. Возьми его. Эффект от попадания на лицо просто отличный. А если и зажигалка есть, то можно огнем обдать. Прямо как дракон.

– Средство от насекомых?

– Ага, мне Мирим рассказала. Как она могла уйти и даже не попрощаться?

– Сказали, что она домой вернулась. С ней все хорошо.

– По-твоему, вернуться туда, где отец кулаками машет, – это хорошо? А, кстати, отвертка! Ее тоже возьми. Она ж острая. Довольно опасная штука.

Чуа снова сосредоточилась на своем телефоне. После того как соседка получила права и начала подрабатывать в доставке, она стала гораздо больше времени пялиться в экран. Хваён залезла под одеяло и подумала о лжи, которой она, словно холодным оружием, во всех без разбора тыкала. А еще о банковском счете и двадцати миллионах. Но только не о том, что будет после того, как она осуществит свой план. Она просто не могла этого представить. Улыбчивый мишка, повисший на ярко-желтых прищепках, словно приговоренный к повешению преступник, наблюдал за тем, как Хваён ворочается. Его черные неживые глаза странно сверкали.

Девушка собиралась лечь спать, но в спину уперлось что-то твердое. Она поводила рукой, чтобы распознать предмет. Им оказался брелок для ключей в виде миниатюрной вазоч-

ки с патбинсу¹⁴. Хваён получила его в качестве бонуса за покупку, когда прошлым летом они с Мирим ели десерт на общие деньги. Соседка повесила его себе на телефон. «Видимо, упал, пока собиралась в спешке? Очень жаль», – не слишком задумываясь, Хваён прицепила брелок к своему рюкзаку.

Пролетела неделя, приближалась запланированная на выходные «рыбалка».

* * *

То утро было сумасшедшим. Хваён и так была вся на нервах из-за приказов Ёнчжина – мол, скачай приложение для сделок, сделай нормальное селфи, – так еще и Чуа, с которой они жили в одной комнате, уже третьи сутки наводила панику и просила выкинуть игрушку, от которой ей якобы дурно. Говорила, что видела, как та двигается по ночам или что-то вроде этого. И тыкала в лицо постами из интернета типа *«Почему нельзя бездумно подбирать выброшенные кем-то вещи и игрушки»*.

– Когда ты уйдешь на «рыбалку», я же тут одна останусь! Сегодня дома вообще никого. Мне не по себе и до смерти страшно, понимаешь?! Я тебе говорю, она реально двига-

¹⁴ Бинсу – корейский десерт, представляющий собой мороженое из стружки льда (по текстуре похожей на снег) с сиропом, молоком, фруктами и иными топингами. Патбинсу – бинсу с пастой из красных бобов.

лась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.